

Рассказы, мемуары. — Тифлис. — 2000.
Михаил Долинский, Семен Черток

«Для музыки я родился в Тифлисе»

Начало пути Федора Шаляпина

Гениальный дар Ф.И.Шаляпина и его творческий путь описаны в сотнях статей и десятках книг — биографиях и монографиях, мемуарах и сборниках, научных исследованиях и альбомах. И лишь один период прошел мимо их внимания — годы, в которые полугодный хорист колесил со случайными труппами по России в надежде на заработок. Может быть, и не стал бы Шаляпин тем, кем он стал, если бы не встретил людей, оценивших его уникальные способности и сердечно поддерживавших его. Это было в Тифлисе, где в течение двух лет Шаляпин постигал основы музыкальной культуры, обрел веру в свои силы, поступил в оперный театр и исполнил роли, навсегда вошедшие в его репертуар. Тут был завоеван первый прочный успех, отсюда был услышан его голос, вскоре покоривший весь мир. Сам Шаляпин говорил, что он родился дважды: для жизни — в Казани, для музыки — в Тифлисе.

1.

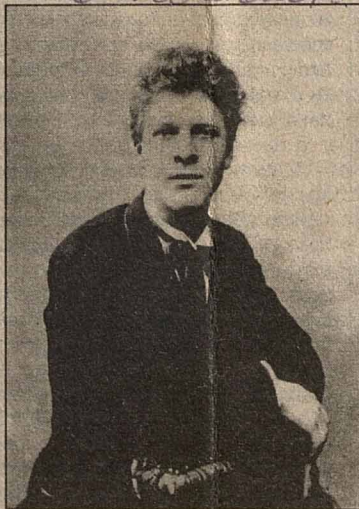
Горы бежали мимо...

— Скоро уже Тифлис? — спросил кондуктора, дремавшего на тормозной площадке последнего вагона, безбилетный оборванец, упросивший не прогонять его.

— Кто знает, поезд товарный, — ответил кондуктор и снова задремал.

А пассажир, высокий костлявый парень с длинными волосами, думал, что выхода у него нет и из Баку все равно нужно было уезжать, там начиналась холера. Приехал он туда с «малороссийской» труппой Деркача, грубияна и скупердя, выдававшего всего по четвертному в месяц. Но потом удалось устроиться к Евгению Лассалю — владельцу французской оперетты. Помог Семен Яковлевич Семенов-Самарский — первый его антрепренер в Казани и Уфе. Денег ему здесь, кроме небольшого аванса, не платили, зато управляющий труппой Пальмесский написал записку в магазин, где дали драповое пальто на ватной подкладке.

Шаляпин с охотой и старанием занимался с капельмейстером Палачеком, и все поразились, когда за четыре дня он выучил всю партию Жермона из «Тра-

Федор Шаляпин. 1893.

Так осенью 1892 г. Федор Шаляпин попал в город, откуда начался его триумфальный путь в искусстве.

2.

Через несколько дней Шаляпин узнал, что Семенов-Самарский тоже в Тифлисе. Они встретились. Семен Яковлевич работал у Ключкарева — офицера, державшего антрепризу и собиравшего оперную труппу в Батум. Ключкарев взял Шаляпина, и тот быстро завоевал репутацию славного малого. Он пел любые арии, мастерски паковал театральные реквизит и вообще всегда мог выручить. Когда Семенов-Самарский заболел, Федор по его просьбе за два дня выучил и исполнил партию кардинала Броньи в «Жидовке» Галеви.

В Батуме Шаляпин выступил в ролях Фернандо в «Трубадуре» Верди и жреца Оровезе в «Норме» Беллини. Музыкальность, сочный и сильный голос привлекли внимание к молодому певцу. Но его и тут подстерегала неудача: Ключкарев уехал, опера распалась, пришлось возвращаться в Тифлис.

Здесь для него настали самые тяжелые дни. Он ночевал на улице, по дватри дня не ел. Если же случалось заработать гривенник, тратил его экономно: ничего, кроме хлеба, не покупал. Работы не было. Надетый на голое тело костюм обтрепался до крайности. Федор снова походил на оборванца, каким добирался до Тифлиса. Единственным, что напоминало о недавних лучших временах, была шляпа. Видевшая его тогда артистка М.Г.Измирова вспоминала:

«Это был длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косоворотка и какие-то немыслимые брюки (которые он именовал "пьедесталами")». На голо-

виаты». Первый выход прошел успешно, публика долго аплодировала и даже вызывала. Были и еще удачи. Но вдруг все пошло прахом: предприятие Лассалья лопнуло, в другую труппу не взяли, в соборный хор — тоже. Пальто было «съедено» без остатка, ночевать приходилось где придется — и на садовых скамейках, и обманным путем в номерах, и в воровском притоне. Подрабатывал подноской вещей на вокзале, был грузчиком на пристани пароходного общества «Кавказ и Меркурий». Жилось все хуже, и нужно было уезжать. Хотелось в Тифлис, о котором слышал много хорошего, но денег не было даже на билет в третьем классе. И тут повезло. Нашел на улице носовой платок с завязанными в узелок четырьмя двугривенными. Он поел, пошел на вокзал и уговорил кондуктора за 30 копеек пустить на площадку товарного вагона.

ве почему-то соломенная шляпа-канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось зади на одной ниточке, при ходьбе и ветре поднималось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы.

Ему отказывали в работе, потому что пугали лохмотья, а когда пошел устраиваться рабочим на лесопильный завод на Куре, не взяли из-за этой самой шляпы: «Барин!» На всю жизнь запомнил Шаляпин это время. Запомнил, однако, не только голодные недели на садовой скамейке или в пустом театре, но и тех, кто помогал ему, кормил и оставлял у себя ночевать.

Именно тогда, в долгие часы блужданий по городу, Шаляпин по-настоящему узнал Тифлис и его жителей. В новой его части, с европейскими домами, роскошными магазинами и широкими улицами, он избегал показываться: неподходящим был костюм. Зато в кипящем котле старого города с его лабиринтом улиц ему было свободнее и привычнее. Да и люди здесь были отзывчивее и щедрее и, увидев голодного парня, давали лепешку и наливали стакан вина. А когда наступал вечер, из домов неслась музыка. Шаляпина поражало и восхищало, как любят в этом городе музыку. Слушая ее, Федор на время забывал о голоде, а потом все начиналось сначала. Одурающие запахи неслись из духов, кружилась голова, подкашивались ноги. И все-таки милостыню он просить не мог. «Что делать? — мучительно думал Шаляпин. — Покончу с собой!»

Мысль о самоубийстве все чаще приходила в голову. И однажды Федор решил зайти в оружейный магазин: пусть только покажут револьвер. Уже у входа встретился с товарищем по труппе Ключкарева — итальянцем Понте. Тот стал расспрашивать: «Что с тобой? Почему ты так выглядишь?» Федор не смог говорить — расплакался. Понте потащил его к себе, накормил и успокоил. А на следующий день Шаляпин увидел афишу, извещающую, что в одном из увеселительных садов будет разыгрываться любительский спектакль, пошел туда, встретил актера по фамилии Охотин и рассказал о себе. Тот послушал, как Федор поет, и пригласил его в хор, где ему дали русский костюм и назначили 50 копеек в вечер.

Там он познакомился с хористом Иваном Перестиани (будущим известным кинорежиссером и актером). Их объединили бедность, мечтательность и общность интересов, и возникшая дружба продолжалась 30 лет. Вместе с артистом Н.Г.Северским и гимназистом Костей Прокофьевым, впоследствии известным оперным баритоном, они

ночевали на скамейках в Александровском саду. Оттуда было близко до старого казенного театра на Водозонной улице, куда друзья ходили слушать оперы, умудряясь проходить без билетов.

Федор продолжал петь в хоре, а когда в саду поставили «Русалку», сыграл свата, лихо отплясывая с красным платочком. Но денег это давало мало — не хватало на то, чтобы сытно поесть. Вместе с друзьями Федор ловил в Куре рыбу, которую торжественно варили в сарае на Немецкой улице, где он ютился. По ночам с сыном хозяина делал набеги на соседние фруктовые сады, а в свободные часы, к неудовольствию хозяина, пел во весь голос, собирая под окнами народ.

Товарищи любили Шаляпина за талант, смекалку, веселый нрав и доброту. Одна из хористок, Крендомская, стала хлопотать, чтобы в его пользу был устроен спектакль. Ее поддерживали и общими силами организовали в Немецком саду постановку «Наталки-Полтавки», где Шаляпин пел Петра. Осталось ему от сбора около 90 рублей и хватило ненадолго. Тогда он попросил о помощи актера-любителя Алешковского, работавшего в управлении Закавказской железной дороги. Тот направил Шаляпина к главному бухгалтеру, взявшему его писцом с жалованьем рубль в день.

Но мысль о сцене не оставляла Федора. Ему мерещились тревожащий гул в зале перед поднятием занавеса и волнующий свет рампы. В конце лета 1892 г. он узнал, что создается небольшая труппа, чтобы дать концерт в Моджори, — его приняли, а хозяин дал отпуск. Нужно было пройти пешком 19 километров, начался дождь, превратившийся в ливень, публика не пришла. На обратном пути гроза продолжала буйствовать. Шаляпин, опаздывавший на работу, шел один, сбился с пути, в Тифлис добрался утром и сразу пошел на работу, а днем его отправили в железнодорожный лазарет.

В конце лета пришло письмо от Семенова-Самарского, предложившего устроить Шаляпина в оперу Перовского в Казани на вторые роли, рублей на сто в месяц, и можно получить аванс на дорогу. Согласие последовало тут же («Я вспыхнул великой радостью», — вспоминал Федор Иванович), и в тот же день Шаляпин отказался от места в бухгалтерии.

Москва — Иерусалим

Продолжение следует.